

ществляемых. Сами рабочие у станка, у агрегата, у машины, у рабочего места и т. д., определяя всевозможные ресурсы наилучшего использования оборудования, материалов, энергии и т. д., — встречным планом строят такую систему производства и управления, которая базируется на сочетании плана и его выполнения с рационализацией, с непрерывной борьбой с потерями, со всякими неполадками и недочетами в области производства, транспорта, снабжения и пр.

Вместе с тем, встречным промфинпланом рабочие берут на себя определенные и конкретные обязательства, контроль и проверка которых облегчаются учетом и самоконтролем самих же рабочих масс.

Социалистическая рационализация, благодаря бурной активности рабочего класса, нашедшей свое яркое выражение во встречном промфинплане, становится по существу крупным движением, общественно-рабочим фронтом массовой борьбы с потерями в производстве, в народном хозяйстве.

В смычке между встречным промфинпланом, этим исключительно важным потоком подлинно-рабочего планирования, идущим снизу, и между Всесоюзным Рационализаторским Счетом, также идущим снизу, от станка, и представляющим фактически, встречный план в области рационализации, — кроется глубокий общественно-политический их смысл.

Внимание общественности, в частности, инженерной и научно-технической, должно быть именно теперь, в чрезвычайной степени, привлечено к вопросам рационализации.

Задачи левой интеллигенции вытекают, из того нового, исключительно важного поворота, решительного сдвига, который начинает нарастать в области рационализации на фоне мощного вокруг него движения самих рабочих. Необходимо навстречу этому рабочему движению за рационализацию, за встречный промфинплан двинуть действительную техническую помощь.

Не надо забывать, что мы имеем еще явное и скрытое противодействие рационализации, которое либо объясняется косностью и консерватизмом, имеющими еще место в наших аппаратах, хозяйственных и учреждениях, либо носят явно вредительский характер. Недаром, постановление Президиума ЦКК ВКП(б) от 4 сентября 1930 г. предлагает: «всякое противодействие социалистической рационализации рассматривать, как вредительство, со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Левая интеллигенция должна путем мобилизации, путем мобилизации вокруг себя здорового советского актива специалистов и инженерно-технических работников помочь всемерно преодолеть трудности рационализации.

Непосредственной борьбой за рационализацию, технической помощью рабочим массам в выполнении «Рационализаторского Счета» и Промфинплана будет оказана большая польза социалистическому строительству.

И. Зайденвар

Октябрь в математическом обществе и в институте механики и математики

В 70-х годах прошлого столетия, по инициативе Бугаева, Некрасова и др., организовалось Математическое Общество. Это была кастовая, бюрократическая организация, не сумевшая создать серьезной научной школы в математике.

Таким оно вошло в революционный период и, сохраняя традиции академизма и философского идеализма, совершенно не пыталось связаться с советской общественностью.

В 1921 г. был создан Институт Механики и Математики и Общество (к сожалению, руководящая часть Института и Общества была одна и та же) перенесло казенные штампы работы на жизнь Института. Несмотря на такое неблагоприятное влияние, все же, с начала революции начинает выдвигаться целый ряд советских молодых ученых, создающих ряд мощных научных школ.

Но оживление массовой научной работы постоянно наталкивалось на реакционный руководящий состав Общества и Института, директором которых был арестованный недавно за вредительство проф. Егоров.

Ученый секретарь Костицин, ныне застреленный в заграничной командировке беглец — ярко дополнял это реакционное руководство.

Система Егорова — Костицина держала в экономической зависимости наших молодых советских ученых: отказывалось достойным, талантливым, продвигались идеологически себе близкие.

Общество не ставило, конечно, вопросов марксистской методологии науки, зато в его рядах было не мало активных церковников. Связи с производством также не было, и Общество проповедывало самодовлеющую «чистую» науку.

Вливавшиеся в университет широким потоком пролетарские кадры студенчества своим классовым чутьем сразу почуяли недоброе. Еще несколько лет назад проф. Егорову была объявлена война. Вначале Егоров вынужден был уйти с должности Председателя Предметной Комиссии, а в 1929 г. он был отстранен от руководства Институтом. Непосредственно после его ухода, Институт провел у себя реорганизацию, произведена была резкая пролетаризация кадров, были изменены методы работ, в частности, был отменен магистерский индивидуальный экзамен. В общем работа Института оживилась.

Что же мы видим в это время в математическом обществе?

Находясь в руках того же Егорова, оно осталось в стороне от реорганизации Института и превратилось в убежище, где царил старый дух.

Общество сознательно шло мимо актуальных политических задач, мимо конкретных нужд социалистического строительства. Зато оно активно занималось отрицанием классовой борьбы в среде научных работников, старалось искусственно

задержать намечающееся расслоение, бережно охраняло академические традиции прошлого и выдвигало на научную работу людей своего толка, далеко не всегда способных.

Характерно, что на арест проф. Егорова, Общество никак не реагировало и назначило обычное деловое заседание, обошедшее факт ареста.

Это последнее особенно ярко подтвердило, что Математическое Общество совершенно чуждо нам, совершенно оторвано от живой советской общественности. Такому обществу, ходоком событий, естественно, должен был прийти близкий конец.

Октябрь не замедлил явиться.

Творческие начала революции ворвались и в этот оплот рутины. Инициативная группа молодых советских ученых, на заседании 21 ноября 1930 г., поставила вопрос о реорганизации Общества. На том же заседании был исключен ближайший соратник Егорова—Фиников. Этот факт блестяще характеризует искусственно задержанное расслоение в среде математиков, которые будучи освобождены от плена егоровщины, единодушно осудили проф. Финикова за его попытку взять Егорова под свою защиту.

Наметились новые формы работы. Прежде всего, замкнутость, кастовость Общества должна быть в корне уничтожена. Общество должно стать массовой, связанной с советской общественностью, организацией науки для нужд социалистического строительства. Далее идет проблема кадров, связь с производством, марксистская методология, организация бригад и т. д., т. е. общество должно войти в жизнь, как активный участник социалистической стройки.

В жизни Института также наметился резкий перелом в сторону активного участия в производственных задачах дня. Институт связался уже с Государственным Институтом Сооружений, ведутся переговоры о связи с другими институтами (Теплотехнический Институт, ЦАГИ, ВЭИ), созданы плановые группы по проблеме кадров, по связи с промышленностью, учреждаются подготовительные курсы для подготовки в аспирантуру института людей из рабочего класса; в общем «чистая» наука пошла на службу сегодняшнему творческому дню.

Наступивший перелом — залог дальнейшего продвижения вперед.

Проф. Л. Лейферт

Математика и диалектико-материалистическое мировоззрение ¹⁾

Почему многие, окончившие вузы, пройдя значительный курс математики в университете (или другом вузе), почти ничего не слышали о связи математики с диалектико-материалистическим мировоззрением.

Ответ на этот вопрос был дан тов. Э. Кольманом на всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений (апрель 1929 г.).

¹⁾ Статья, по техническим условиям, печатается в сокращенном виде. *Ред*

В математике, как в наиболее абстрактной из естественных наук, которая считалась и считается до сих пор твердыней идеализма, мы непрерывно наблюдаем попытки использовать эту абстрактность ее предмета в целях наступления на диалектический материализм. Эти попытки, не говоря уже о загранице, ведутся и в нашем Союзе. Не говоря уже о книжке Флоринского, изданной у нас в 1923 г., где посредством математики «доказывается» не только бытие божие, но и то, что Данте путешествовал в ад именно через четвертое измерение, — укажу хотя бы на книжку проф. Богомолова «Эволюция геометрической мысли», вышедшую в 1928 г. в Ленинграде в изд. «Начатки знаний», где проводится мысль, что геометрия и математика являются созданием нашего ума, что самое интересное в геометрии, это то мистическое, что имеется в вопросе о четырехмерном пространстве, причем указывается, что это мистическое разрешается не математикой, а только вне ее пределов. Такие спиритические попытки связаны еще с тем, что в области математики мы имеем засилие наших классовых противников, начиная от явных черносотенцев и кончая людьми, которые лишь прикрываются лояльностью к советской власти. Только в виде редких исключений мы здесь имеем людей, действительно сочувствующих нам.

Такова еще совсем недавняя картина положения дел на фронте математики.

Но в данное время уже достигнутый размах социалистического строительства обнаружил серьезнейший сдвиг и в недрах математики. Вот так характеризует этот сдвиг тов. Яновская в своей статье «Очередные задачи математиков-марксистов» («Под знаменем марксизма» № 5, 1930 г.): «Год великого перелома для всей нашей страны был годом перелома и на математическом фронте. Ибо к этому времени подросли и окрепли уже те, хотя и немногочисленные, но все же крепкие пролетарские кадры, которые пришли в вуз из рабфаков; ибо партия со всей решительностью поставила перед всеми специалистами вопрос о недостаточности одной только голой «лояльности» (кто не с нами, тот против нас), ибо, наконец, к этому времени пропаганда идеи диалектического материализма не могла не сделать своего дела и в среде математиков».

Влияние на математическое исследование мировоззрения господствующего класса (или как называют его буржуазные ученые «мировоззрения эпохи») не отрицается и самими буржуазными учеными-математиками.

Бывший член кадетской партии А. В. Васильев в своей речи «Роль профессора Вейерштрасса в современном развитии математики» ¹⁾ говорил: «Чистая математика наравне с философией может быть уподоблена маятнику, колеблющемуся между крайним идеализмом и крайним эмпиризмом, между стремлением к обобщениям и отвлечениям и систематической обработке, с одной стороны, и склонностью к решению вопросов специальных и

¹⁾ Протоколы секции физ.-мат. наук при казанском об-ве естествоиспытателей (1888—1889 г.).

конкретных, с другой стороны. Настоящая эпоха в развитии чистой математики, связанная с великим именем Гаусса, характеризующаяся развитием теории функций от комплексной переменной, является, несомненно, эпохой идеалистического направления; только отдельные ученые и отдельные школы противостоят общему стремлению работ в этом направлении. Но настоящей эпохе предшествовала другая эпоха Эйлера и Лагранжа, не гонимая за обобщениями, но положившая зато основание громадному количеству новых математических методов, новых путей к решению тех реальных, конкретных задач, которые даются наукою о веществе в движении.

Проф. Васильев считает всякие обобщения и систематическую обработку — признаком лишь идеалистического направления. Все же это место речи проф. Васильева чрезвычайно ценно для нас.

Во-первых, даже по мнению буржуазного авторитета, в противовес всему тому, что говорят сейчас наши проповедники «чистой» математики, математика колебалась между идеализмом и материализмом. Во-вторых, период материалистического направления — не является периодом упадка науки, а напротив того, это могучий период, связанный с такими величайшими для математики именами, как Эйлер и Лагранж. Наконец, даже в ту эпоху, когда почти вся работа ведется в идеалистическом направлении, находятся отдельные ученые и даже отдельные школы, которые противостоят общему направлению, продолжают работать в материалистическом духе.

Та эпоха, которую проф. Васильев называет эпохой Эйлера и Лагранжа, была теснейшим образом связана также с Карно и Монжем, с этими крупнейшими математиками и, одновременно, вождями революционной армии Франции; кроме того, вся эта материалистическая струя в математике была связана со всем философским материализмом XVIII века и непосредственно с французской революцией.

Эпоха пролетарской революции, эпоха строительства социализма нуждается в постановке по новому вопросов математического исследования; разве сама наша эпоха не опровергает того идеалистического направления в математике, которое господствовало до сего времени?

Если буржуазная революция во Франции была связана с механическим философским материализмом XVIII века, хотя связью и недостаточно прочной и не всегда осознанной даже вождями и активными деятелями революции, то наша пролетарская революция сознательно руководится программой Коммунистического Интернационала: «Защищая и пропагандируя диалектический материализм Маркса — Энгельса, применяя его, как революционный метод познания действительности, в целях революционного преобразования этой действительности, Коммунистический Интернационал ведет активную борьбу со всеми видами буржуазного мировоззрения и со всеми видами теоретического и практического оппортунизма».

Может показаться, что это не имеет прямого отношения к математике; имеются точные указания на отношение к математике Маркса.

Энгельс в предисловии ко второму изданию *Антидюринга* писал:

«Маркс и я были единственными, которые из немецкой идеалистической философии спасли сознательную диалектику, перенеся ее в материалистическое понимание природы и истории. Но для диалектического и вместе с тем материалистического понимания природы требуется знакомство с математикой и естественными науками. Маркс знал основательно математику, 1)...

Однако, было бы грубой ошибкой сделать вывод, что можно взять математику в том ее состоянии, как она есть сейчас, и, не подвергая ее критике и переработке, включить в новую систему диалектико-материалистической науки.

Энгельс смотрел не так. Вот что говорит он в примечаниях к «Антидюрингу»: «Но лишь только математика укрывается в свою неприступную твердыню абстракции, так называемую, чистую математику, — бесконечность становится чем-то совершенно таинственным и тот способ, каким ею пользуются в анализе, начинает казаться чем-то совершенно непонятным, противоречащим всякому опыту и рассудку. Глупости и нелепости, которыми математики не столько объясняли, сколько извиняли этот свой метод, приводящий странным образом всегда к правильным результатам, превосходят худшие, реальные и мнимые фантазии хотя бы гегелевской натурфилософии, о нелепостях которой математики и естествоиспытатели не могут наговориться досыта. Они сами делают теперь (но несравненно в большем масштабе) то, в чем они упрекали Гегеля, именно доводят абстракции до крайности».

Или вот что говорит Энгельс в том-же труде «Диалектика и естествознание» по поводу математики («Диалектика природы», изд. 3, стр. 2).

«Здесь (в высшей математике Л. Л.) неизменные категории исчезли. Математика вступила на такую почву, где даже столь простые понятия, как «абстрактное количество», «дурная бесконечность», приняли совершенно диалектический вид и заставили математику, против ее воли, и без ее ведома, стать диалектической. Нет ничего комичнее, чем жалкие уловки, увертки и фикции, к которым прибегает математика, чтобы разрешить это противоречие, примирить между собою низшую и высшую математику, разъяснить им, что то, что является их бесспорным результатом, не представляет собой чистой бессмыслицы, и чтобы вообще рационально объяснить исходный пункт, метод и конечно результаты математики бесконечного».

Из всех этих положений Энгельса не видно, чтобы он относился с уважением к той схоластике, которую сам именует «глупостью и нелепостью», «увертками и фикциями», с помощью которой математики стараются уложить все «доказательства» в рамки формальной логики, «свести» математику переменных к математике постоянных, уничтожить «проклятые противоречия», которые так мучают и наших современных университетских схола-

1) Сейчас найдены (но к сожалению, еще не изданы) тетради Маркса по математике, в которых, наряду с конспектами математических книг, имеются и его самостоятельные работы. В «Летописях марксизма» т. III, 1927 г. напечатано сообщение Э. Гумбель: «О математических рукописях К. Маркса».

стиков. Напротив того, Энгельс считает, что ряд противоречий является основой не только высшей, но и низшей математики. Вот как он говорит об этом в «Антидюринге»: «Мы уже упоминали, что одним из главных оснований высшей математики является противоречие, заключающееся в тождестве, при известных условиях, прямой линии с кривой. Она также приводит к другому противоречию, которое состоит в том, что линии, которые пересекаются на наших глазах, тем не менее, уже в 5—6 сантиметрах от точки своего пересечения должны считаться как бы параллельными, т. е. такими, которые не могут пересечься даже при бесконечном их продолжении. И тем не менее, при посредстве этих и еще более сильных противоречий высшая математика достигает не только правильных, но и вовсе недоступных низшей математике результатов. Но и низшая математика кишит противоречиями.

Сама математика, занимаясь величинами переменными, вступает в диалектическую область, и характерно, что именно диалектический философ Декарт произвел в ней этот переворот. Как математика переменных относится к математике постоянных величин, так и диалектическое мышление вообще относится к метафизическому. Это, однако, не мешает тому, чтобы множество математиков признавало диалектику только в области математики, и среди них многие с помощью добытых диалектическим путем методов оперируют на старый, ограниченный, метафизический лад».

Если сопоставить эти слова Энгельса с уже приведенными его же словами о том, что «заставили математику против ее воли и без ее ведома стать диалектической», то ясно, что Энгельс видел не только, что математика имеет диалектическое основание, но и то, что диалектическая методология навязывается буржуазному ученому — математику содержанием предмета, а не является его сознательной методологией, она проходит как бы за его спиной, против его воли.

Задачей нашего поколения является не только вскрыть эту стихийную диалектику математики, но и придать ей сознательный характер, открыто поставить ее в основу математического исследования.

Но где же математические учебники, написанные на основе диалектического материализма? Где Ньютоны, Лейбницы, Лагранжи и Эйлеры пролетариата? Не утопия ли надеяться на появление таковых в ближайшие годы? Не лучше ли «пока» преподавать математику так, как нам ее преподносили наши «опытные» учителя?

Мы не имеем готовых марксистских учебников по высшей математике. Дело создания новых учебников будет идти вместе и в тесной связи со всем ходом реформы вузов. В частности, создание марксистских учебников по высшей математике не сдвинется с места до тех пор, пока в вузах не появится значительный кадр преподавателей, считающих своим классовым долгом превратить математику в орудие пропаганды диалектического материализма.

Революция властна диктовать свою волю и характеру преподавания математики. Феликс Клейн в своей речи «О препода-

вании геометрии» (Вестник опытной физики и элементарной математики, № 537) высказывает следующие мысли:

«Перелом в деле преподавания вновь наступил в конце XVIII столетия, как одно из следствий переворота, вызванного великой французской революцией 1789 года. До этой эпохи преподавание имело своей главной целью подготовку лиц высших сословий и, в частности, офицеров: теперь же на первый план выступил новый социальный слой — буржуазия, и делу преподавания были поставлены новые задачи, которые нужно было решать новыми методами».

И, когда эти задачи были поставлены, они были решены и, конечно, решены новыми методами.

Недавно, при обследовании ленинградского физико-математического общества, на брошенный со стороны обследовательской комиссии упрек в том, что общество совершенно не интересуется вопросами диалектического материализма, последовал ответ, со стороны одного молодого профессора, члена общества: «Да, если бы диалектико-материалистическая философия имела в своей среде ученого математика, подобного Ньютону, то, конечно, каждый бы математик считал себя обязанным прочесть его труды». Это заявление вполне основательно было парировано указанием на то, что если бы пролетариат уже имел своих Ньютонов, то он вряд ли бы обращался к ленинградскому физико-математическому обществу с предложением работать в новом направлении.

Энгельс говорит, что дифференциальное исчисление не было открыто, а лишь было завершено Ньютоном и Лейбницем, когда для этого созрели предпосылки. Ньютоны и Лейбницы не создаются в безвоздушной атмосфере, из ничего, они лишь крупнейшие выразители периода блестящего развития буржуазной науки. Те десятки тысяч пролетариев и крестьян, которые находятся сейчас в вузах СССР, тот культурный актив фабрик, заводов, совхозов и колхозов, который под руководством партии творит культурную революцию, — вот та среда, из которой выдвигаются сотни и тысячи новых ученых, проникнутых новой идеологией.

Здесь и растут Ньютоны и Лейбницы пролетариата. В их основании сгорают дотла фетиши буржуазной «чистой» науки. Освещая ярким светом диалектического материализма Маркса, Энгельса и Ленина закоулки старой математики, они изучают ее для того, чтобы воссоздать из кризиса современной математики новую математику, в которую будет включен весь положительный опыт старой математики, и эта новая математика, порвав узкие рамки формальной логики, станет на новую основу диалектического материализма.

Итоги таковы:

1) Математика в течение всей истории своего развития колебалась между идеализмом и материализмом.

2) Периоды материалистического направления в математике были плодотворными для ее развития.

3) Математика в период пролетарской диктатуры должна стать во вузе не только вспомогательным предметом препода-

давания, но и могучим воспитательным средством для выработки диалектико-материалистического мировоззрения.

4) Основные подожения, данные в учении Маркса, Энгельса и Ленина и их последователей, достаточны для того, чтобы помноженные на энтузиазм новых пролетарских научных работников, овладевших и овладающих математическими знаниями, дать построение новой математики, сознательно руководимой методом диалектического материализма.

5) Надо немедленно начать борьбу за превращение математики в вузах в орудие пропаганды диалектического материализма.

Инж. С. Харац

Борба с чуждыми...

В настроениях иваново-вознесенского инженерства находит свое отражение то политическое состояние, которое характерно для всей инженерно-технической интеллигенции нашего Союза. Успешно развивающаяся социалистическая реконструкция, с одной стороны, и сопровождающее это строительство сопротивление классового врага во всех его видах и формах,—с другой, голкает специалистов на классовое самоопределение, на выявление своего политического лица. Переживаемое нами время может быть охарактеризовано, как решительный этап борьбы со всеми остатками чуждых советскому строю специалистов, как решительное наступление на аполитическое «болото» среди ИТР. Мы подошли вплотную к реализации идей политического расчленения инженерства. Этот сдвиг в настроениях наших специалистов, после длительного застойного периода, особенно сказался в последние месяцы. Итоги XVI партийного съезда, обращение ЦК партии от 3 сентября, раскрытие вредительских организаций, ликвидация «промпартии» и кондратьевщины — ко всем этим событиям нельзя было оставаться равнодушным, они слишком глубоко задевают интересы советской страны и того огромного строительства, которое в ней осуществляется.

Еще весной 1930 г. аполитичность ивановского инженерства была отмечена не только в местной, но и в центральной печати. В мае этого года по докладу Председателя Правления ВТО т. Мельничанского о вредительстве в текстильной промышленности на собрании инженерно-технического персонала, где присутствовало более 1000 чел.—не высказал своего отношения к фактам вредительства ни один инженер или техник. Это молчаливое в крупнейшем центре текстильной промышленности вызвало справедливое возмущение всей общественности и было той питательной средой, на которой так расцвело вредительство. Такое положение сигнализировало о слабой работе общественных организаций (ИТС, ОМБИТ, ВАРНИТСО). Насколько сильна была аполитичность среди ИТР, свидетельствует и отношение значительной части специалистов к вопросам XVI партсъезда и его итогам. Съезд, приковавший к себе внимание всего мира, подведший итоги успешному, выполнению пя-

тилетнего плана за первые два года и наметивший вехи дальнейшего строительства, работы съезда не стали предметом изучения со стороны большей части инженерно-технического персонала наших предприятий. ИТР не участвовали в должной мере ни в проработке тезисов, ни в изучении итогов XVI партийного съезда. Созванное по инициативе ВАРНИТСО и ОМБИТ'a общегородское собрание специалистов с докладом председателя Обкома партии об итогах XVI съезда в первый раз было сорвано (из 500 чел. явилось 16), во второй раз состоялось (при 40 присутствующих). Командиры производства, на долю которых выпала почетная задача возглавить подъем рабочих, мобилизовать внимание их на реализацию постановлений съезда, на преодоление трудностей пятилетки, на обеспечение выполнения промфинплана — сами лишили себя возможности на основе общественной проработки вопросов съезда, сознательно руководить тем производственным участком, который им поручен. Эти примеры достаточно иллюстрируют состояние аполитичности ивановских ИТР — такое положение обязывало все общественные организации усилить работу среди специалистов, перенести ее в коллективы на текстильные предприятия. На ряде фабрик отдельные вылазки летунов и шкурников вызвали волну возмущения и общественное осуждение через печать. Так называемая «кузнецовщина» на Большой Иваново-Вознесенской Мануфактуре, когда группа ИТР во главе с пом. механика Кузнецовым накануне остановки фабрики пыталась сорвать намеченный ремонт и проведение рационализаторских мероприятий, угрожая уходом в случае неудовлетворения выставленных требований материального характера — была единодушно осуждена всеми коллективами ИТС, и, по требованию последних, рачи были исключены из союза. Этот случай был подробно изучен местным Отделением ВАРНИТСО, коллектив которого при ОблСНХ выделил следственную комиссию, на означенную фабрику. Такой же общественный отпор получил факт отказа от самоконтракта группы молодых специалистов на Сосневской Мануфактуре. Общегородское собрание ИТР оценило этот поступок только что выпущенных советских специалистов, как дезертирство с трудового фронта; под влиянием общественного воздействия, через областную газету «Раб. Край», эти специалисты признали ошибочность своего поступка, присоединив свои подписи к договору на самоконтрактацию.

Резкий перелом в отношении специалистов к общественно-политическим вопросам вызвало обращение ЦК партии от 3 сентября 1930 г. Обсуждение этого обращения и методов его реализации послужило предметом многочисленных собраний специалистов на предприятиях и в учреждениях. На общегородском собрании молодых специалистов, созванном ВАРНИТСО и ОблИТР, 27 чел. подали заявления о вступлении в ВАРНИТСО, а в итоге — массовая самоконтрактация и участие в рационализаторской практике. Раскрытие контр-революционного заговора промпартии, дало новый подъем. Собрания уже не вмещали всех желающих. Требуя высшей меры социальной защиты к преступникам, специалисты реагировали и практическим действием — образованием новых ударных бригад, вступлением в пар-